КИРИЛЛОВА Елена Олеговна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)
Электронная почта: sevia@rambler.ru

Художественная репрезентация межкультурного и межэтнического диалога в автобиографической повести С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны»

УДК 882(075.8) doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/85-96

Объектом исследования в статье стала повесть русско-польского писателя С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны» (Владивосток, 2015), написанная на дальневосточном материале. Автор активно обращается к этнографическим, этнологическим компонентам, фольклорной составляющей инородческого населения Южно-Уссурийского края конца XIX – первой четверти XX вв. и проживавших на этой территории разных дальневосточных этносов. Особое внимание писатель уделяет их хозяйственно-бытовому укладу, сакральным взглядам, системе мифопоэтических образов, символов, мотивов, мифоритуальным и обрядовым действиям. Образы инокультурных героев демонстрируют межэтническое и межличностное во взаимодействии культур: своё, другое, чужое.

*межкультурный
и межэтнический
диалог,
духовные ценности
в системе кросс-
культурных связей
Дальнего Востока,
дальневосточная
литература,
С.-М. Салинский,
Птицы возвращаются
в сны*

В отношении литературы Дальнего Востока и русской дальневосточной эмиграции, сформированных на интернациональном существовании, в наше время одинаково применимы термины метакультурная, фронтирная, порубежная, трансграничная и др. Эти обозначения отражают уникальность всего социокультурного контекста территории на протяжении уже нескольких веков. На Дальнем Востоке, как нигде в другом месте России, всегда обнаруживалось наличие стыка культур, гармоничное сочетание восточной и западной цивилизаций, азиатского и русского, мифопоэтического мировоззрения коренных малочисленных народов, традиционно проживавших на этой территории, и ментальности казаков, путешественников, первооткрывателей региона. Юг Дальнего Востока, как окраина России, полноценно начата осваиваться русским правительством поздно, лишь в середине XIX века, формировался в уникальных этнорегиональных, этнорелигиозных и социокультурных условиях. Немаловажно и то, что Уссурийский край до 1860 г. входил в состав Цинской империи (Маньчжурская династия, последняя императорская династия Китая). Изначально на территории Тихоокеанской России складывались по большому счету гармоничные межнациональные отношения. Это было связано с неопределимым вкладом многих людей разных национальностей и вероисповеданий в основание и развитие края. Подобная многоязычная среда соответственно демонстрировала варианты инокультурных сознаний и картин мира.

Неизвестный сегодня писатель Станислав Мария Салинский (1902–1969) родился и вырос на Дальнем Востоке.

Для цитирования:
Кириллова Е. О. Художественная репрезентация межкультурного и межэтнического диалога в автобиографической повести С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны» // Известия Восточного института. 2018. № 1. С. 85–96.
doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/85-96

До недавнего времени его имя мало что говорило российскому читателю, как, впрочем, и современным полонистам. Писатель родился на юго-восточных рубежах Российской империи и не собирался покидать Приморскую губернию до 1917 г. Язык его детства – русский. На нём он общался со своими китайскими и корейскими сверстниками и с поляками, дружившими с его семьёй. Все поляки считали себя гражданами Российской империи. Едва ли не коренным населением Южно-Уссурийского края. На то у уроженцев Привислинского края были серьёзные основания: Приморье формировалось и развивалось как многонациональное по составу своего населения [6, с. 290].

Семья Салинских обосновалась в Приморье в 1897 г., когда на службу в село, расположенное близ реки Лянчихе, прибыл выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, поляк по национальности, Станислав Янович Салинский, отец будущего писателя. Он, воодушевлённый перспективами, которые открывались в ходе реализации правительственной программы заселения и освоения дальневосточных земель, оказывается в Южно-Уссурийском крае, в скором времени ставший Приморским. В качестве места службы ему определяется военный пост Новокиевский, основанный ещё в 1867 г. и расположенный в двенадцати верстах от порта Посъет. Исполняя обязанности мирового судьи, он успешно защищает интересы местного населения, состоявшего из корейцев, китайцев, японцев, а также некоторого числа представителей малых народностей. Отец служил в Южно-Уссурийском Пограничном комиссарстве – особом учреждении МВД Российской империи, действовавшем в Приморье в 1869–1917 гг. и сочетавшем функции пограничного контроля с дипломатическим представительством в Маньчжурии и Северной Корее (1905–1906 гг.) [6, с. 306].

Детство Стася Салинского, родившегося 13 февраля 1902 г. в военном посту Новокиевский (сейчас это населённый пункт Краскино Хасанского района) прошло среди сопок, на побережье приморских бухт, в окружении крестьян корейских деревень, тазов, в близком соседстве с китайскими приграничными городами. До конца жизни эта маленькая географическая точка на карте России – Новокиевское – будет напоминать о себе, манить и притягивать как магнит.

В 1910 г. срок службы Салинского-старшего в военном гарнизоне подошёл к концу, и семья приняла решение перебраться во Владивосток. Салинские селятся в центре города, на Светланской. Они обеспечены, принадлежат к дворянскому сословию и занимают далеко не последнее место в обществе: отец – титулярный советник, мировой судья Владивостокского суда, заметная фигура в польской диаспоре, которая насчитывает в городе более десяти тысяч человек [6, с. 8]. О возвращении в Польшу речи не идёт: она остаётся туманным воспоминанием о далёком прошлом, возврата к которому, похоже, больше нет. В 1915 г. семья приобретает небольшой загородный дом на станции Океанской.

Повесть «Птицы возвращаются в сны» была опубликована в Польше в 1964 г. В России, в Приморье, о ней до 2016 г. ничего не было известно, как и о других книгах Салинского. «Владивостокскую» книгу «Птицы возвращаются в сны» польский писатель напишет и издаст уже в зрелом возрасте, за несколько лет до своей смерти, отдавая дань памяти юных лет. Топонимическое пространство автобиогра-

фических рассказов – это воспоминания автора о детстве, проведённом в Приморье, на стыке трёх границ: России, Кореи и Китая – в Посьетском (теперь Хасанском) районе, недалеко от пограничной реки Туманган (Туманной) и озера Хасан. В книге писателем номинированы ближайшие соседи на юге Приморья: «На вершине одной из сопок с выкорчеванным вокруг лесом стоял высокий трёхгранный столб с какими-то знаками на каждой из трёх граней. Это столб на стыке трёх границ – Королевства Корея, Китайской империи и империи Российской. Мы присели, измученные подъёмом, у основания столба <...>, а я, отдохнув, сбежал чуть ниже и стал маршировать по тропинке, проложенной вокруг столба. – Сейчас ты в Корее, – кричал отец. – А сейчас в России. А теперь – в Китае» [6, с. 73–74]. В восприятии русского поляка места прекраснее, чем то, где прошло его лучезарное детство, на свете нет и быть не может. «Между этими тремя пространствами – видневшимися вдалеке Алмазными горами, сопками, с которых якобы был виден Пектусан, и далью, помеченной тенями шаланд, – лежал край моего детства, царство чар. Будут ли они тем последним видением, которое когда-нибудь возникнет перед моими глазами...» [6, с. 37].

«Птицы возвращаются в сны» – попытка вернуть то, что вернуть нельзя, – время своего детства, время, когда ты был мал, а мир вокруг казался таинственным и огромным, закутанным в цветной туман. Повествование обращено к начальным годам XX столетия. В памяти автора эти годы прочно связаны с Южно-Уссурийским округом Приморского края и Владивостоком, жизнью его людей и теми событиями, которые вошли в историю Приморского края как знаковые, определяющие.

Из книги мы узнаём много автобиографических подробностей, реальных фактов и событий, но облечённых, конечно, в художественно приукрашенную форму. Например, подробно знакомимся с соседями семьи Салинских – инородцами: корейцами, китайцами, тазами, удэге. Есть в книге многочисленные отсылки к хорошим знакомым отца маленького Станислава – исследователю Дальнего Востока В. К. Арсеньеву и профессору Восточного института, синологу Е. Г. Спальвину. Фигурируют в повести разные представители польской диаспоры на Дальнем Востоке, много вложившие в развитие нашего края: С. Н. Браиловский, Б. Дыбовский, С. Томашевский, Я. Калиновский, Ленчевский, семья Качановских – основоположники поселения Краскино, такие же известные, как и Янковские для Сидими, и другие.

Из повести мы узнаём, что сам писатель и путешественник Н. Г. Гарин-Михайловский был знаком с семьёй Салинских. Гарин в те годы совершил первопроходческое путешествие по Северной Корее, получив от Петербургского географического общества предложение присоединиться к экспедиции А. И. Звегинцева [1, с. 106]. Салинский вставляет в текст «Птиц...» фрагмент воспоминаний путешественника из его книги путевых очерков «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» (1899). Гарин в своём «Путешествии в Корею» под датой 7 сентября 1898 г. оставил следующие строки. И. Салинский с удовольствием приводит их, ведь это воспоминания великого путешественника о его отце, порядочном и честном человеке: «Сегодня мы были на обеде у местного русского комиссара. Он

живёт в прекрасном трёхэтажном доме. Напротив нас – местный судья, молодой тридцатипятилетний человек с мелкими чертами лица, в очках. За обедом мы сидели рядом друг с другом, чему я был очень рад. Он живёт здесь с апреля прошлого года. Он полон признательности к корейцам и всегда бывает у них желанным гостем. Они видят в нём своего защитника, и каждое его посещение встречается овацией... Отец мой в те годы, будучи на службе в Пограничной страже, какое-то время исполнял обязанности судьи. Гарин пишет как раз о нём» [6, с. 49]. По воспоминаниям писателя, местное население называло отца «джан-гуи Салинский». Китайцы и корейцы выговаривали «Са-рин-цу-ки» с ударением на последнем «и». Как известно, Джан Куй, или Чжун Куй – заклинатель, повелитель демонов, китайский оберег, способствующий защите от злых духов. На народных лубках Чжун Куй обычно изображался в виде антропоморфного образа в костюме чиновника, в позе, угрожающей бесам [10]. «Хунчуньская маката (красное полотно, вышитое золотыми переплетающимися куштами иероглифов, высшее достижение китайского ткачества начала XX в. – Е. К.) – прощальный дар здешних китайцев, а также китайских купцов и должностных лиц моему отцу, справедливому и неподкупному Джан-гуи – судье и начальнику» [6, с. 97].

Одной из существенных особенностей, бросающейся в глаза при первом знакомстве с текстом «Птиц», являются элементы иной культуры, которые вводятся автором в повествование зачастую без внутритекстовых пояснений – как родные, привычные для персонажа. «В картине мира автора-героя разные культуры существуют не в противопоставлении, а в синтезе» [4, с. 42–43]. На страницах автобиографического повествования автором выведены многочисленные этнокультурные образы, как значительные, так и эпизодические: добрый дух Пу О, малыш Чан, ленивый повар Сю Чушань, колдун-таз Лория, старик-отшельник Ли Цунбин, проводник Джан Бао, нанаяц Дерсу Узала, безымянные китайские хутухты из приграничного маньчжурского города Хунчуня, казачий старшина кашевар Василий Логайда, друг Стася малоросс Саша Петренко. Но особое место занимают в книге корейские персонажи. Среди знаковых, смыслообразующих корейских героев повествования кормилица мальчика Мария Хабаги, первая любовь маленького героя – молочная сестра Енн, корейские друзья-мальчишки Кимы, Цои, Тены – как собирательный образ приятелей из детства, друг-писатель Роман Ким.

В своей повести Салинский с большой любовью выписывает традиционные образы инокультурных героев. Особого внимания заслуживает такой персонаж, как добрый старик Пу О, образ которого в детском сознании, транспонирующемся в настоящее, «взрослое» героя, покрыт тайной и мистикой. «Замечательны эти выходы в море (за трепангами и крабами – Е. К.) с молчаливым старым добрым духом Пу О. Ибо Пу О – это добрый дух из сказок Марии Хабаги. Лучший из добрых духов, который никого не обидит, который делится с детьми чудесными пампушками. Когда в сказках Марии Хабаги появлялся добрый дух, это был Пу О. Если добрых духов целая туча, то получалось, что это туча старых морщинистых Пу О, которые слетались отовсюду, чтобы навести порядок, раздать лакомства, осушить слёзы, найти потерянные вещи и игрушки... Духи Хабаги были преимущественно крылаты. Мне всегда было интересно, каким образом каждый день Пу

О так прячет под курткой крылья, что они совершенно незаметны на его спине» [6, с. 57]. Как видно, из этого описания образ китайца или корейца Пу О (примечательно, что этническая принадлежность его в тексте Салинским размыта, по-видимому, специально), прячущего от людей крылья, разделяет в детском наивном сознании символику ангела. Поляки Салинские были католиками. И этот факт также свидетельствует о фронтирном сознании героя: детском синкретизме религиозных взглядов.

Самому автору и читателю неизвестен возраст Пу О, его прошлое, нет прямых отсылок к нравственной характеристике героя, творимых им чудес. Но для местных детей он самый лучший, он – их защитник, добрый заступник. Сын или внук Пу О злобил на мальчишек: «У него были недобрые, гневные глаза, и, когда, посапывая, он приближался к нам, мы разлетались от него во все стороны, точно воробьи от голубя <...>. Сын, а вероятнее всего, внук Пу О глубоко нас презирал и при всяком удобном случае садистски нам поддавал, если мы неосторожно попадались ему под руку. Особенно ловко он заезжал по заднице моим корейским приятелям. Как-то раз – наверняка по ошибке, поскольку задницы и штаны были у нас похожи – досталось и мне: я аж присел от боли. Пу О это заметил и долго потом визгливым голосом кричал на парня – сына или внука» [6, с. 41–42].

В галерее инокультурных образов повести корейцы выделяются особенно. С неподдельной любовью выписана молочная мать мальчика, кореянка Мария Хабаги, героиня, перекликающаяся у писателя с ориентальным образом покровительницы и спасительницы. Корейцы в повести представлены в контексте фронтирной культуры и духовно-религиозных представлений, показаны проникновенно, с трогательной нежностью. Главная нравственная формула писателя в том, что «достоинства человека определяются отнюдь не его национальной принадлежностью, а его человеческими качествами, его способностями, умениями и духовностью» [6, с. 16]. Культурные и национальные ценности корейцев, как утверждает И. А. Толстокулаков, «отмечены ярко выраженной национальной спецификой, но, в то же время, ошибочно отрицать несомненную общность культурной традиции всех стран дальневосточной культуры» [8, с. 7]. Автор указывает на культуру Китая как основу корейской духовности и культуры, определяющая роль отводится религиозным, философским и этическим системам конфуцианства, буддизма и даосизма [8, с. 8]. В комплекс традиционных ценностей корейцев входит, кроме прочих, нравственность в отношении человека и гуманность в отношениях между людьми [9, с. 165].

Колоритно, тепло выписан образ кормилицы Стася Марии Хабаги. Возникает вопрос, откуда взялась эта кореянка со своим многочисленным семейством?! Корейцы-русские подданные внесли существенный вклад в развитие будущего Приморского края. Мигранты, не являвшиеся носители русских традиций, вносили свой вклад и в культурную палитру дальневосточных поселений и городов. Если обращаться к официальной исторической справке, то иммиграция корейцев в Приморье началась в 1864 г. при покровительстве администрации Приморской области. В соответствии с официальной статистикой, первые 14 семей корейцев общей численностью 65 человек обоего пола в январе 1864 перешли пограничную реку Туманган на

русской территории и основали селение Тизинхэ на берегу одноимённой реки, примерно в 15 верстах от Новгородского поста. Главными причинами иммиграции назывались бесправное положение корейских крестьян и жестокая эксплуатация со стороны помещиков (янбанов) и чиновников, непосильные для многих крестьян налоги. Переселение корейцев в Южно-Уссурийский край разрешалось законом («Временными правилами»), подписанным императором 26 марта 1861 г. Земледельческий характер иммиграции наилучшим образом соответствовал целям колонизации данной территории. Значительная хозяйственная свобода корейских переселенцев в Приморье, позволявшая им на первом этапе (до 1890-х гг.) распахать столько земли, сколько они были в состоянии, способствовала усилению корейской иммиграции в Россию. К волнообразным массовым притокам корейцев на русский Дальний Восток также приводили стихийные бедствия в Корее (1869–70-х гг.). После поражения Китая в японо-китайской войне 1894–95 гг. и усиления японского контроля в Корее иммиграция корейцев в Россию постепенно начинает приобретать политические черты, которые резко усилились и стали основными после русско-японской войны и потери Кореей самостоятельности [5, с. 248–249].

Мария Хабаги – с русским именем, но корейской фамилией, что тоже немаловажно. Сам автор объясняет это христианское имя. Мария Хабаги, как и все корейцы по ту сторону Янчихе, оказывается, была православной. После проведённого Кореей и Российской империей разграничения земель вокруг залива Посъета все жившие по ту сторону корейцы были сочтены подданными Российской империи, и их окрестили, дав им русские имена: «Местный полковой поп собрал всех взрослых жителей посёлка на площади, прочёл «Отче наш», окропил толпу святой водою и дал имена: всем мужчинам – Иван, а всем женщинам – Мария. Иваны и Марии отличались только фамилиями. Кроме этого, ничто не изменилось: остались старые корейские святилища, практиковались вековые обычаи и традиции, верования и суеверия. Империя пополнилась лишь несколькими сотнями новых Иванов и Марий» [6, с. 56].

Официально известно, что в 1896 г. первая большая группа корейцев Приморья и Приамурья была официально принята в российское подданство. С этого времени приведение к присяге корейцев на подданство России стало почти ежегодным. Для получения подданства корейцы должны были прожить в пределах России не менее 5 лет и принять православное вероисповедание. Основная масса корейцев – российских подданных проживала в Янчихинской и Адиминской волостях, примыкавших к русско-корейской границе (ныне – Хасанский район). Всего к 1917 г. в Приамурском генерал-губернаторстве насчитывалось 34 села, приписными крестьянами которых являлись корейцы-российские подданные. Общая численность корейцев на Дальнем Востоке к 1917 г. составляла примерно 100 тыс. чел., около 90% из них проживали в границах Приморского края [5, с. 248–249].

Искусная сказительница Хабаги, воспитавшая маленького героя, считала его своим родным сыном, потому что «согласно вековой корейской традиции грудничок чужой женщины, выкормленный ею, становился членом её семьи, а её дети – его молочными братьями и

сёстрами, причём все имели равные права и привилегии даже в правах наследования» [6, с. 49–50]. «В моей жизни она появилась, когда мне было лишь несколько дней от роду. Я не знаю, по какой причине, но кормила или подкармливала меня своим молоком корейнка – Мария Хабаги, которую привели с того берега Янчихе. Из семейных рассказов мне известно, что всё то время она жила в нашем доме на правах домо-чадца вместе со своим новорождённым ребёнком» [6, с. 48]. Писатель задаётся вопросом, почему его кормилицей становится именно корейнка, ведь в посёлке на том берегу было куда больше китайнок, чем корейнок. И ответ он находит у Н. Г. Гарина-Михайловского, который в своих путевых очерках «По Корее» пишет о большой дружбе и уважении между Салинским-старшим и простыми корейскими крестьянами этой местности. Вероятно, эти тёплые отношения становятся решающим фактором. Ведь доверить новорождённого первенца (а джан-гуи Салинский стал отцом относительно поздно, в возрасте 39 лет) можно только очень близкому, доброму, родному человеку. Таким «своим», родным человеком для семьи русских поляков становится Мария Хабаги. Как известно, семья являлась наиболее важной составляющей «азиатских ценностей» и корейского общества, что породило ценность института семьи. «Семейственность противостоит индивидуализму и даже государственности» [9, с. 166]. «Таким образом, благодаря Марии Хабаги, – отмечает писатель, – я стал членом многочисленной корейской семьи Хабаги, братом множества братьев и сестёр» [6, с. 49–50].

Проникновенные страницы, посвящённые кормилице, настолько эмоциональны, что, вспоминая о ней в уже взрослом возрасте, автор задействует сферу физиологических ощущений: запахов, звуков, вкусов, тактильности. «Я прислонялся щекой к её большому тёплому колену, помню его запах: так пахло мыло, которым стирали бельё, так называемый «мармурек» (мраморное хозяйственное мыло по-польски), белое с голубыми прожилками, его до самой войны варили в варшавских мыловарнях, и оно сохраняло запах моей корейской мамки-кормилицы. Я опирался щекой о её колена, а сверху на меня шёл певучий, тёплый голос. Я понимал две трети из того, что она говорила, ибо, когда ей не хватало русских слов, она говорила по-корейски» [6, с. 48]. Или: «Тёплый запах коленей Марии Хабаги, к которым я всё сильнее прижимался горячим от возбуждения лбом, её добрая, успокаивающая рука на моих волосах, жужжание пчёл, далёкий шум моря, поскольку ветер после полудня бросает на берег высокие волны, певучий речитатив Марии Хабаги – так длилось часами» [6, с. 54]. Размышляя об этнических (этносных) ценностях корейского социума, положенных в основу личностных ценностей, Е. В. Чалая отмечает: «К традиционным ценностям корейцев можно отнести гармонию, понимание человека как части мироздания, гуманность, смирение, покорность судьбе, справедливость, милосердие, терпимость, неприятие насилия, самосовершенствование, иерархическую ментальность, уважение к старшим и уважение к учителю, сыновнюю почтительность, нравственность, верность» [9, с. 167–168]. Все эти качества присутствуют у корейской кормилицы Стася.

Значение этой простой неграмотной корейской крестьянки, женщины и матери, давшей своим детям большой культурный и образовательный путь, в т. ч. в столичный Владивосток, было очень велико.

Приходила она со своими сказками в наш сад для того, чтобы мои молочные братья и сёстры с детства усваивали русский язык и не стеснялись потом с трудностями его изучения в школе. Мария Хабаги была хорошим педагогом [6, с. 48].

Интересен у писателя образ женщины, спасительницы и заступницы. В опасный момент сознание героя (а Салинский становится профессиональным моряком) прибегает именно к восточному образу покровительницы. «Мне и Роману Киму, неизменному товарищу по пропускам уроков и рискованным походам на байдарке в открытое море, аж до ужасных отмелей Дундаса (устаревшее бытовое название острова Русский – Е. К.), угрожали опасные воды, сильные подводные течения, неожиданные шквалы, особенно осенью, но, по-видимому, Кваннон Милостивая, китайская покровительница мореходов, простёрла покровительственную длань и над корейско-польской парочкой юнцов. Кто знает, не обязаны ли мы этим её предвидению, что через много-много лет эти два отчаянных удальца – писатель польский и писатель корейский – будут писать о ней. Благодарю тебя, Кваннон Милостивая, за твоё покровительство, а особенно за один вечер, когда в разгар бури мы шли прямо навстречу гибели, а ты в последнюю минуту отвратила её от нас. Наверное, и Роман Ким где-нибудь и когда-нибудь поблагодарил тебя за это» [6, с. 52].

Образ Гуаньинь характерен для многих азиатских государств, он проник в страны, соседствующие с Китаем. Так, в корейской мифологии известна богиня милосердия Кваным, в японской – Каннон – помощница будды Амитабхи, заступница Гуаньинь является персонажем и мифологии вьетнамской. В Китае в простонародном буддизме Кваннон, или Гуаньинь – божество, выступающее преимущественно в женском облике, спасающее людей от всевозможных бедствий; покровительница детей, родовспомогательница, покровительница женской половины дома. Богиня милосердия, женское божество, чьё могущество состоит во всевидении, сострадании и спасении от несчастий. Обычно изображалась с тысячью рук и тысячью глаз по одному в каждой ладони. Согласно буддийским поверьям, она помогает людям, появляясь в тридцати трёх образах. Мария Хабаги, ставшая второй, «азиатской» матерью для Салинского, в сознании писателя на всю жизнь сохранит бережную функцию материнской любви и спасения. Герой повести, пережив опасную ситуацию, за своё спасение благодарит восточную богиню, а не христианского Бога. Это говорит о том, насколько в нём сильна связь с детским прошлым и представлениями о мире, которые дала ему и кормилица-корейка, и ориентальное окружение, и инородческое мировоззрение.

Большинство героев повести Салинского – носители фронтальной ментальности и, соответственно, фронтальной мифологии, ведь Дальний Восток уникальный в географическом и геополитическом отношении регион, издревле ставший местом встречи разных этносов, языков и культур. Под фронтальной ментальностью понимается «духовная формация, выражающая идейно-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья» [3, с. 10]. «Сближение социокультурных и психотипических черт народов приграничных земель, неизбежное в ходе миграций, теснейшим образом было связано с синкретизацией их верований и обычаев. Русские исследователи отмечали, что шаманизм, мантра, промысло-

вая и лечебная магия тунгусо-маньчжурских народов, дауров, бурят постепенно интегрировались в культуру новопоселенцев» [2, с. 170–182].

Именно поэтому так интересно в повести отношение матери маленького героя ко всему «иноземному», «неродному», «инородному», к другой культуре, иностранным людям. «На том берегу – формально владения русского царя, но по сути уже Корея: средоточие приземистых корейских фанз. Все мои желтокожие приятели (мальчишки Цои, Кимы и Тены, как называет их сам Салинский – Е. К.) жили на том берегу, но я бывал у них редко и тайно: в фанзах всё время страдали то от лишая, то от коросты, то от скарлатины, то от краснухи» [6, с. 38]. Река Янчихе в тот период – это граница между корейским населением посёлка и русским, поэтому в повествовании часто фигурируют «тот берег» и «наш берег», «та сторона» и «моя сторона». Корейские поселенцы в России сохраняли свою самобытность, что отражалось, в частности, в облике их селений, что было отмечено многими современниками. Вкрапливание корейцев в русские селения не достигло цели, так как по мере скопления в селениях корейских семей последние создавали параллельную корейскую деревню с тем же названием [7, с. 21–22]. У Салинского: «Мальчишки с другой стороны, все эти Цои, Кимы и Тены, переправляются вброд через реку на мою сторону» [6, с. 40]. Или: «Это тёплое отношение к корейцам и побудило моего отца поискать кормилицу для своего первенца именно по ту сторону Янчихе» [6, с. 49]. Или: «Если похоронный обряд происходил на нашем берегу Янчихе, участвовать было легче, а если на той стороне – то труднее» [6, с. 84].

Но в матери героя глубоко сидит противопоставление «свой – чужой». «Чужой», т. е. опасный, приносящий вред. Это противопоставление углубляется архетипическим образом-символом реки Янчихе, как пограничного элемента, разделяющего два мира (корейские фанзы и русские поселения). Для матери героя корейский берег – запретная земля. «А ещё, – внушала мама, – накормят тебя какой-нибудь гадостью, и ты отравишься» [6, с. 38]. Нельзя ходить на запретную землю. «Вот будешь лазать на тот берег, выскочит когда-нибудь из тайги барс или тигр и разорвёт тебя. Вот увидишь. Нельзя ходить на тот берег, понял?» [6, с. 41]. Однако маленький герой родился и растёт в мире, в котором для него наличие разных культур и их смешение в одном пространстве является нормой, привычным укладом. Более того, «та сторона», «чужой берег», «корейский берег» для юного героя даже спасительны, ведь там можно делать всё, что вздумается, там безопасно, там все свои и – главное – никто не выдаст: «Иногда удавалось перебраться на тот берег Янчихе вброд, но до брода было далеко. <...> Только бы ступить на тот берег, там никто не выдаст: у меня была железная охранная грамота – я был молочным сыном Марии Хабаги. Да и сама Мария Хабаги приобнимет и защитит от всего» [6, с. 85]. И Стась рассказывает историю своего очередного спасения от родительского гнева: «Когда-то она (кормилица – Е. К.) очень легко выпросила у отца прощения для меня. Я нарушил его запрет – весь день провёл на той стороне, она сама проводила меня вечером домой, и ничего мне за это не было. Мама сказала только, чтобы это было в последний раз» [6, с. 85]. В связи с этим оппозиция «своё – родное» / «чужое – иностранное» в тексте Салинского утрачивает коннотацию

враждебности, иная культура предстаёт не как источник опасности [4, с. 42–43], а как один из неотъемлемых компонентов обыденной дальневосточной жизни.

Текст повести С.-М. Салинского «Птицы возвращаются в сны» информативен, аллюзивен, многослоен. Занимаясь мифотворчеством, в «Птицах» писатель реконструирует и создаёт собственную Дальневосточную мифологию, поэтому в дальнейшем анализе художественных особенностей повести видятся перспективы исследований. Особое внимание в книге Салинский уделяет хозяйственно-бытовому укладу этносов Тихоокеанской России, их сакральным взглядам и традиционным верованиям, мифоритуальным комплексам и религиозно-обрядовым культам, системе мифопоэтических образов, знаковых мифологем, символов, мотивов, в том числе корейской и китайской культуре, удэгейскому фольклору и фольклору тазов. Художественное своеобразие повести Салинского, воссоздающее картину мирного сосуществования разных этносов, построения общего «тихоокеанского мира», являет в наше время пример сохранения духовных ценностей в системе кросс-культурных связей Дальнего Востока.

Литература

1. Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5 / подг. текста и примечания А. И. Кучминой и И. М. Юдиной. – М: Худож. литература, 1958. 721 с.
2. Забияко А. А., Дябкин И. А. Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 9. С. 170–182.
3. Забияко А. П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. // Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. 412 с. С. 9–35.
4. Милянчук Н. С. Языковая репрезентация взаимодействия культур в идее писателя-эмигранта (на материале текстов М. Щербакова) // Программа и тезисы Первой совместной международной филологической конференции Тамканского университета и Дальневосточного федерального университета. 5 декабря 2014 г. – Тайвань, Тайбэй: Изд-во ТКУ, 2014. С. 42–43.
5. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник / гл. ред. Э. В. Ермакова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.
6. Салинский С.-М. Птицы возвращаются в сны. Повесть-явь. Повесть-сон / пер. с пол. А. Сапёлкина; ред. А. Брюханов. – Владивосток: Валентин, 2015. 320 с.
7. Сергеев О. И. Казаки и корейские переселенцы в Приморье // Приморье: народы, религии, общество / отв. ред. Г. Г. Ермаков. – Владивосток: Изд-во «48-часов», 2015. С. 20–24.
8. Толстокулаков И. А. Религия в Корее: краткий исторический очерк // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества / под ред. И. А. Толстокулакова: Учеб. Пособие. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 7–71.
9. Чалая Е. В. Система ценностей современного южнокорейского общества // Вестник центра корейского языка и культуры. Вып. 17 / отв. ред. С. О. Курбанов. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. С. 162–168.
10. Чжун Куй [Электронный документ] // Мифы и легенды народов мира. Мифы Китая URL: <http://www.legendami.ru/bod/china/china30.htm> (дата посещения: 18.10.2017).

Elena O. KIRILLOVA

Ph. D. (in Philology), Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).
E-mail: sevia@rambler.ru

Art Representation of Cross-Cultural and Interethnic Dialogue in the Autobiographical Story of S.-M. Salinsky «Birds Come Back to Dreams»

UDC 882(075.8) doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/85-96](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/85-96)

The name of the Russian-Polish writer S.-M. Salinsky (1902–1969) is almost not familiar to the reader. Toponymic space of autobiographical stories «Birds Come Back to Dreams» (Vladivostok, 2015) – memories of the author's childhood spent in Primorye on a joint of three borders: Russia, Korea and China – in Posyetskiy (now Hasanskiy district) area, near the boundary river Tumangang and lake Hasan. The author actively addresses ethnographic and ethnological components, as well as a folklore component of the foreign population of Southern Ussuri Krai of the late 19th – the first quarter of the 20th centuries and different Far East ethnoses, living in this territory. The writer pays special attention to the economic household way, sacral views, system of mytho-poetic images, symbols, motives, mytho-ritual and ceremonial activities. The story is written on the Far East material. The images of foreign culture heroes, apprehended not least through the Korean-Udege and Chinese fairy tales and legends, as well as through the folklore of Tazy, show cultural interactions of both interethnic and interpersonal kind: own, other, alien.

cross-cultural and interethnic dialogue, cultural wealth in the system of cross-cultural ties of the Far East, Far East literature, S.-M. Salinsky, Birds come back to dreams

For citation: Kirillova E. O. Art representation of cross-cultural and interethnic dialogue in the autobiographical story of S.-M. Salinsky «Birds come back to dreams» // Oriental Institute journal. 2018. № 1. P. 85–96. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/85-96](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/85-96)

References

1. Garin-Mikhajlovskij N. G. Sobranie sochinenij v pyati tomakh. T. 5 / podg. teksta i primechaniya A. I. Kuchminoj i I. M. Yudinov. – M: KHudozh. literatura, 1958. 721 s.
2. Zabiako A. A., Dyabkin I. A. Obraz razbojnika v kontekste «frontirnoj mifologii» dal'nevostochnoj eh migratsii // Sborniki konferentsij NITS Sotsiosfera. 2011. № 9. S. 170–182.
3. Zabiako A. P. Russkie v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira: eh nicheskij opyt XVII – nachala XX vv. // Zabiako A. P., Kobyzov R. A., Ponkratova L. A. Russkie i kitajtsy: eh nomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. – Blagoveshhensk: Izd-vo AmGU, 2009. 412 s. S. 9–35.
4. Milyanchuk N. S. YAzykovaya reprezentatsiya vzaimodejstviya kul'tur v idiosstile pisatelya-eh migranta (na materiale tekstov M. SHHerbakova) // Programma i tezisyy Pervoj sovместnoy mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii Tamkanskogo universiteta i Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. 5 dekabrya 2014 g. – Tajvan, Tajbehj: Izd-vo TKU, 2014. S. 42–43.
5. Primorskij kraj: Kratkij eh ntsiklopedicheskij spravochnik / gl. red. EH. V. Ermakova. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1997. 596 s.
6. Salinskij S.-M. Ptitsyvozvrashhayutsya v sny. Povest'-yav'. Povest'-son / per. s pol. A. Sapyolkina; red. A. Bryukhanov. – Vladivostok: Valentin, 2015. 320 s.
7. Sergeev O. I. Kazaki i korejskie pereselentsy v Primor'e // Primor'e: narody,

- religii, obshhestvo / otv. red. G. G. Ermak. – Vladivostok: Izd-vo «48-chasov», 2015. S. 20–24.
8. Tolstokulakov I. A. Religiya v Koree: kratkij istoricheskij ocherk // Rol' religioznogo faktora v zhizni korejskogo obshhestva / pod red. I. A. Tolstokulakova: Ucheb. Posobie. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2004. S. 7–71.
9. CHalaya E. V. Sistema tsennostej sovremennogo yuzhnokorejskogo obshhestva // Vestnik tsentra korejskogo yazyka i kul'tury. Vyp. 17 / otv. red. S. O. Kurbanov. – SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2015. S. 162–168.
10. CHzhun Kuj [EHlektronnyj dokument] // Mify i legendy narodov mira. Mify Kitaya URL: <http://www.legendami.ru/bod/china/china30.htm> (data poseshheniya: 18.10.2017).